

Легенды и сказки Крыма

Легенды Крыма: Деликлы-Кая (с. Солнечная долина)

Разве есть на свете черешня вкуснее козской и где найдется сари–армут более нежный и сочный! В Крыму не встретишь тоньше стана у юноши, и не знают другие земли девушек, которые умеют ходить так легко, как козские, по скалам и обрывам. Смотрит поседевший Эльтиген на детей долины, на солнечном луче любитесь ими, а когда к вечеру побежит от гор в деревне синяя тень, прислушивается к голосу стариков, которые собираются посидеть у кофейни.

— Лучше прежде было.
— Лучше было, — твердит девяностолетний Мусядин, сидя на корточках рядом с имамом.
— Когда нужно — дождь был; когда не нужно — не был; червяк лист не ел; пчелы — да, были; козы — да, были; по две пары буйволов у каждого было. Хорошо было.

Слушают Мусядина козские татары и вздыхают.
— Прежде лучше было.

В наступивших сумерках вспыхивают там и сям огоньки у курящих, и белесоватые клубы табачного дыма застилают по временам сосредоточенные, серьезные лица.
— Воды много было, — замечает кто-то.
— А? — не слышит его Мусядин.
— Дыры в Деликлы–Кая, говоришь, не было. Не было, не было. Потом сделалась, когда Кыз–буллагй открылся.
— Говори, — просит кефеджи, наклоняясь к самому уху старика. — Люди послушать хотят.

Сдвигает Мусядин на затылок тяжелую барашковую шапку, чтобы облегчить шишку, которая выросла над ухом, как арбуз на баштане. Сверху, по шоссе над деревней, у Деликлы–Кая, звенит почтовый колокольчик. Затих колокольчик, точно, чтобы не мешать Мусядину вести свой рассказ.
— Ну?

Слушали его не раз деревенские и все же хотят послушать. Хочется слушать о чудесном в этот тихий летний вечер, когда сошла на землю прохлада, а загоревшиеся на глубоком небе без числа звезды отвлекают мысль от забот трудового дня.
Не торопясь, с остановками, покуривая из длинной черешневой трубки, говорит Мусядин о том, что слышал от отца и деда.

Задумываются слушатели; увел их Мусядин в какой–то другой мир, и в воображении их незаметно оживают три серые скалы Эльтигена. Чудится, что в средней из них, Деликлы–Кая, нет больше сквозной щели, и живут в ней по–прежнему три сказочных духа. И каждый пост свою песню, а людям кажется, что шумит гора. Если гулко — ждуг дождя, если стонет — бури. Предупреждают духи людей, потому что, как в давние времена, любят свою деревню. Тогда прислушивались люди к голосу их и чтили своих покровителей.

Тогда духи приходили к людям и любили их. От любви росло блаженство духа, передавалось сердцу человека. Добрее делались люди. Звенит снова почтовый колокольчик у Деликлы–Кая и, оторвав на минуту слушателей от мира грез, замирает где–то в лесной чаще.

Когда самому хорошо, хочешь, чтобы было и всем хорошо. Так устроена душа. И в былое время козские люди не пропускали ничего и странника, чтобы не приютить и не накормить его. А когда уходили вниз, в сады, на работу, оставляли кого–нибудь, чтобы было кому принять прохожего.

И вот как–то раз ушли все на работу; остались старухи и мальчуганы, – да три девушки, которые спешили шить приданое, чтобы было готово к месяцу свадеб. Было жарко и девушки, захватив работу, ушли в лес искать прохлады. Притих Эльтиген. Покинули духи свои скалы, и, превратившись в нищих, подошли к девушкам. Увидели девушки слепого, хромого и горбатого, поклонились им.
— Если голодны, накормим вас.

Под широким дубом, который стоит и теперь, развязали узелки с таранью, чесноком и лепешка–ми и стали угощать бедняков.
— Кушайте.

Ели нищие, благодарили, а когда кончили, — в узелках не стало меньше.
— Кушайте хорошенько, — говорили девушки, и отдали нищим желтые сариармуты, которые оставили было для себя. Улыбнулись странники.
— Велик Аллах в своих творениях. Да исполнит сердце ваше радостью.

И спросили странники девушек, нет ли у них каких–либо тайных желаний. Задуманное в хорошую минуту может исполниться.
— Подумайте.

Посмеялись между собою девушки, и одна сказала:
— Хотелось бы скорее дошить свое приданое.
— Вернешься домой и увидишь, что сбылось твое желание, — улыбнулся горбатый.
— А я бы, — захохотала другая, — хотела, чтобы бабушка на меня не ворчала.
— И это устроится, — кивнул головой хромой.
— Ну, а ты? — спросил слепой третью.
— Ты что бы хотела? Задумалась третья.
— Все равно не сделаешь.
— Все–таки. Скажи. И сказала девушка:
— Хотела бы, чтобы в горе открылся источник, чтобы бежала в деревню холодная ключевая вода; чтобы путник, испив воды, забывал усталость, а наши деревенские, когда настанет жара, освежаясь в источнике, славили милость Аллаха.
— Ну, а для себя чего хотела бы? — спросил слепой.
— А мне, мне ничего не надо. Все есть. Открыл от удивления глаза слепой и отразились в них глаза голубого неба.
— Скажи имя твое.
— Феррах–ханым, — отвечала девушка.
— Случится так, как пожелала, и имя твое долго будет помнить народ.

Повернулся слепой к Деликлы–Кая, высоко поднял свой посох и ударил им по утесу. С громом треснула Деликлы–Кая, дождем посыпались каменные глыбы, темным облаком окуталась гора. А когда разошлось облако, увидели в ней сквозную щель и слышали, как вблизи зашумел падающий со скалы горный поток. Добежали первые капли ручья до ног Феррах–ханым и омыли их. А нищие исчезли, и поняли девушки, кто были они.

Сбылось слово ничего. Народ долго помнил Феррах–ханым, и когда она умерла, могилу ее огородили каменной стеной. Лет шестьдесят назад Мусядин еще видел развалины этой стены и читал арабскую надпись на камне.
— Не прилепляйся к миру, он не вечен, один Аллах всегда жив и вечен.

Уже давно замолчал старый Мусядин, а никому из слушателей не хотелось уходить из мира сказки жизни. Поднялся, кряхтя, Мусядин, чтобы идти домой.
— Пора. Поднялся и имам.
— Шумит Деликлы–Кая. Может быть, дождь будет.
— Нужен дождь, воды нет, — заметил кефеджи.
— Нужен, нужен, — поддержали его, поднимаясь, татары.
— Опять Феррах–ханым нужна, — улыбнулся молодой учитель. Но на него строго посмотрели старики.
— Когда Феррах–ханым была — было много воды; теперь мало стало, хуже люди стали, хуже девушки стали. Когда дурными станут — совсем высохнет Кызлар–хамамы.